

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

I. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВИЗАНТИНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ А. А. ВАСИЛЬЕВА

**(The Russian Attack on Constantinople in 860 by Alexander A. Vasiliew.
Cambridge, Massachusetts, 1946)**

Советский Союз, его политика и идеология, прошлое и настоящее нашей страны непрерывно подвергаются злостным нападениям со стороны империалистического окружения и его ученых прислужников. Целая армия „историков“ мобилизована, в частности, для совершенно беззастенчивой фальсификации исторической роли русского и других славянских народов, их культуры и идеологии. Там, где исторические факты не поддаются „нужной“ подтасовке, современные „ученые лакеи империализма“ (Ленин) просто отбрасывают их, не утруждая себя подыскиванием какой-либо наукообразной аргументации. Например, французский „исследователь“ Масон объявил „Слово о полку Игореве“ подложным документом, просто заявив, что русские в XII в. якобы не могли создать такой выдающийся памятник.

К числу новейших работ такого типа относится и рецензируемая книга А. А. Васильева, бывшего русского византиниста, покинувшего Советский Союз и предавшего свою Родину.

Книга Васильева состоит из введения и глав: 1. Различные термины для обозначения скандинавских викингов. 2. Первое появление руссов в Константинополе и Ингельгейме в 838—839 г. 3. Западная Европа и норманны в IX в. 4. Источники о норманских набегах в Средиземноморье в IX в. 5. Литература XIX и XX вв. о норманских набегах в Средиземноморье в IX в. 6. Норманские набеги в Средиземноморье в IX в. 7. Вопрос о происхождении русского государства. 8. Житие Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. 9. Греческие источники о походе на Константинополь в 860 г. 10. Латинские и арабские источники. 11. Русские и старославянские источники. 12. Русский поход на Константинополь в русской литературе. 13. Русский поход 860 г. в иностранной литературе. 14. Общее положение в Византии около 860 г. 15. Михаил III и патриарх Фотий. 16. Откуда русские произвели нападение на Константинополь. 17. Аскольд и Дир. 18. Причина похода. 19. Продолжительность русского нападения и религиозные процессии. 20. Русское отступление. 21. Договоры между Византией и Русью после 860—884 гг. 22. Рюрик Ютландский и Рюрик русской летописи.

Мы привели этот перечень потому, что он дает представление не только о круге проблем, охваченных автором, но и о его концепции.

Книга Васильева лишь по недоразумению (или в целях маскировки) носит название „Русский поход на Константинополь“, так как автор рассматривает русское нападение на Константинополь в 860 г. как нападение, произведенное скандинавскими викингами, главным образом шведами. На деле она является повторением, достаточно нудным к тому же, пресловутой „норманской“ теории, сводящей, как известно, всю проблему древнейшего периода Киевской Руси к варяжскому завоеванию. Совершенно явно проступает стремление автора трактовать вопросы древней русской истории, по возможности реже упоминая о славянах, хотя он, конечно, не может отрицать, что древняя Русь — государство славянское и потому славяне, естественно, и должны находиться в центре внимания историка.

Давая только изложение внешних событий, отказываясь от всякой попытки проследить развитие общества на основе развития производительных сил и обусловленных ими социальных отношений, Васильев систематически игнорирует работы Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, А. А. Спицына, А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова и других советских ученых, доказавших на основе тщательного изучения не только ранее известные письменные источники, но и вновь открытых археологических памятников, что русское государство возникло в результате внутреннего развития общественных отношений, что славянские племена задолго до так называемого „призвания варягов“ сами создали в Поднепровье свою богатую культуру, свою государственность.

Таким образом, книга Васильева не отражает современного состояния науки по вопросам древней истории нашей Родины, и все то, что на первый взгляд в этой книге производит благоприятное впечатление — широкий исторический фон, увязка фактов русской истории с историей других народов, широкое использование разнообразных источников, в частности восточных, многочисленные ссылки на литературу, — все это только внешняя и обманчивая оболочка.

Покажем это на нескольких примерах.

Норманистов не устраивают прежде всего выводы, полученные академиком В. Г. Васильевским из анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, говорящие о том, что уже в первой половине IX в. до 842 г. Русь нападала на Амастриду,¹ а нападение русского князя на Сурож (Судак) относится к самому началу IX в. или даже к концу VIII.² Поэтому Васильев, вслед за Грегуаром и Да-Коста Луйе поставил своей задачей опровержение выводов Васильевского. В главе „Житие Георгия Амастридского и Стефана Сурожского“ (стр. 71—90), занимающей центральное место в его работе, Васильев пытается отвергнуть всякую историческую ценность жития Стефана Сурожского и доказать, что свидетельство о нападении Руси на Амастриду, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить к походу Игоря 941 г.

Естественно, что, осуществляя эту задачу, автор вынужден допустить ряд несообразностей. Так, утверждая, что „норманские викинги на юге России в половине IX в. сделали уже господами Черного

¹ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. 2. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893, стр. СХVI и сл.

² В. Г. Васильевский, цит. соч., стр. ССXXXVI и сл.

моря“ (р. 66: „they soon became masters of the Black Sea“), Васильев в то же время со странной непоследовательностью хочет нас уверить, что русские первым объектом своего нападения на византийские владения избрали саму византийскую столицу. При этом он „забывает“ недвусмысленное указание византийских источников, что нападению на столицу предшествовали набеги русских на всем Черноморском побережье. Например, у Скилицы-Кедрина мы читаем: „На все находящееся внутри Эвксинского понта и на все его побережье напал русский флот (народ же рос-скифский, живущий у северного Тавра, дикий и грубый), и на самый царствующий град навлекли они страшную опасность“.¹

Нам уже приходилось отмечать,² что, отвергая историческую ценность жития Стефана Сурожского, Васильев не позаботился даже точно изложить его содержание. Например, он пишет, что Стефан Сурожский претерпел мученическую смерть при Константине V,³ тогда как и в кратком греческом и полном русском житии говорится, что Стефан Сурожский был отпущен Константином V в Сурож, где и умер естественной смертью. К каким недопустимым натяжкам прибегает Васильев в своей аргументации, свидетельствует и его утверждение, что полный греческий оригинал жития Стефана Сурожского мог никогда не существовать,⁴ хотя сохранившееся краткое греческое житие, изданное Васильевским, и данные минология Василия II, независимо от сохранившегося славянского текста, с несомненностью устанавливают существование такого полного греческого оригинала.⁵

Столь же необоснованным является и „анализ“ жития Георгия Амастридского.

Как известно, Е. Э. Липшиц в работе „О походе Руси на Византию“ достаточно убедительно подкрепила вывод Васильевского о принадлежности этого жития к числу произведений Игнатия, византийского писателя первой половины IX в.⁶ Все материалы, использованные Е. Э. Липшиц, известны Васильеву. Тем не менее он, по существу не аргументируя, отвергает выводы Васильевского. Он пытается нас уверить, что только в 941 г. была ситуация, отображенная в житии Георгия Амастридского, т. е. только тогда русские сначала проникли в Пропонтиду (Мраморное море), а затем, покинув ее, достигли Амастриды. „Мы, — пишет Васильев, — имеем абсолютно точное представление об объеме русских операций в 941 г.: от Никоидии, другими словами, от Пропонтиды и Мраморного моря на юге до Пафлагонии на севере. Это меня абсолютно убеждает, что история, рассказанная в житии Георгия Амастридского, имеет дело с экспедицией Игоря“. Однако все византийские источники (Симеон Логофет, Продолжатель Феофана, житие Василия Нового) сообщают, что флотилия Игоря не проникла в Мраморное море, а у самого входа в Босфор („ἐπὶ δὲ πλῆσιον τοῦ ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ φάρου ἰγένοντο, ἐν τῷ Ἱερῷ λεγομένῳ“) встретила

¹ Georgii Cedreni, ed. Bonn, II, 173; Theophani Continuatio. Patr. gr., v. CIX, p. 210.

² См. „Грегару и его работы по византиноведению“. „Византийский Временник“, т. III.

³ A. Vasiliew. The Russian Attack on Constantinople in 860, Cambridge, 1946, p. 81.

⁴ Ibid., p. 82.

⁵ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 72—76.

⁶ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию. „Исторические записки“, 1948.

византийский флот и потерпела поражение.¹ Тогда отряды русских устремились к побережью Вифинии, откуда производили набеги внутрь страны.

Точное определение территории, опустошенной русскими, дает житие Василия Нового.² Житие рассказывает, что после того как в Иероне русским был прегражден путь в пролив, они высаживались отдельными отрядами на азиатском берегу Босфора и проникали внутрь до Ираклеи Понтийской и до Пафлагонской фемы. Но внутрь этой фемы и до Амастриды они все-таки не проникли, так как конечным пунктом опустошения морского побережья показана Ираклея Понтийская. В житии сказано: „Они пробрались до Ривы, простирая набеги до Понтийской Ираклеи и Пафлагонии, пройдя всю Никомидийскую область“ („ἐφθάσαν δὲ μέχρι πόντου Ἰρακλείας καὶ Παφλαγονίας ἅπασαν δὲ τὴν στρατηγίδα Νικαίης διελθόντες“).

Таким образом, источники убеждают нас в том, что в 941 г. русские, во-первых, не проникали в Пропонтиду, если под ней подразумевать Мраморное море, как в этом пытается уверить Васильев, а во-вторых, не могли достигнуть и Амастриды. А в связи с этим рушатся и все построения Грегуара, Да-Коста Луйе и поддерживающего их Васильева. И если Васильев во введении к своей книге жалуется на „волну гиперкритицизма, охватившего умы многих выдающихся западных ученых“, то его самого с полным основанием можно упрекнуть в научно необоснованном гиперкритицизме по отношению к житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Политическая подоплека этого „гиперкритицизма“, впрочем, совершенно понятна.

Зато он принимает без всякой критики летописное известие о „призвании варягов“. Фольклорный мотив русской летописи, весьма далекое от исторической точности генеалогическое предание, включенное в летопись, как это доказала историческая наука, в интересах определенной династии, принимается Васильевым в качестве исторического факта. „Хронология русской летописи IX в., — пишет он, — часто ошибочна, но последовательность фактов, начиная с Рюрика, Аскольда и Дира, Олега, соответствует исторической истине и эти факты должны быть приняты как исторические вехи в первоначальной истории русского государства“.³ Между тем советскими учеными уже давно установлено, что генеалогия Рюриковичей до Святослава совершенно искусственна. Достаточно напомнить, что два первых поколения (Рюрик, родившийся, если верить Беляеву, около 800 г., и Игорь, убитый в 945 г.) занимают полтора года! К полуторастолетней истории Рюрика и Игоря, пишет проф. Толстов, надо прибавить еще Мафусаилов возраст последнего и его жены Ольги в год рождения Святослава (Игорю, по летописи, около 67 лет, Ольге — около 59). Выводы сравнительно-этнографического изучения генеалогии позволяют сделать заключение, что перед нами бесспорно сознательно фальсифицированная родословная“.⁴ М. Н. Тихомиров считает, что эта фальсификация была произведена летописцем в целях исторического обоснования прав династии Ярослава Мудрого, пришедшего на киевский стол из Новгорода при помощи варяжских наемников.

¹ Pseudo-Symeoni Magistri. Patr. gr., v. CIX, 442—443.

² ЖМНП, 1889, январь.

³ „The Russian Attack...“, p. 69.

⁴ С. П. Толстов. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. „Вопросы истории“, 1946, № 4, стр. 122.

С этим трудно не согласиться. Но дело не только в искусственности генеалогии. Необходимо применять научную критику и при анализе изложенных в летописи событий.

Несомненно, значительная часть восточнославянских племен уже была объединена в единое русское государство перед походом 860 г. Это было хорошо известно патриарху Фотию, который писал о русских, что „они, поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, подняли руку на ромейскую империю“.¹

Но Васильев просто игнорирует все это. В главе „К вопросу о происхождении Киевского государства“ (стр. 65—70) он кратко и сбивчиво излагает теорию Шахматова о происхождении русского государства, с которой и соглашается. Некритически следуя за Шахматовым, Васильев считает, что в IX в. норманнами было создано три русских государства: первое — в Киеве около 840 г., второе — в Новгороде около 850 г. Затем около 855 г. отправились из Новгорода на юг варяги Аскольда и Дира и обосновались без затруднений в Киеве. Третье государство было создано Олегом, взявшим Киев и объединившим север и юг. Васильев уверен в том, что норманны Аскольд и Дир около 855 г. отправились из Новгорода на юг, без сопротивления овладели Киевом, здесь развили лихорадочную деятельность: за какие-нибудь три-четыре года освободили поля от платежа дани хазарам завершили столь великие завоевания, что о них узнал и константинопольский патриарх Фотий, а в 860 г. настолько усилились, что совершили нападение на крупнейший город тогдашней Европы. Неправдоподобие и невероятность такого построения не нуждается в опровержении. Для Васильева нет сомнений в том, что русские, напавшие на Константинополь в 860 г., были шведы, другими словами норманны, которые, несомненно, „влекли за собой (had brought south with them) известное количество славян“.² Здесь ярко проявляется концепция автора — концепция „народа-господина“, в данном случае скандинавских норманнов, подчиняющих и „организуемых“ восточнославянские племена. Откуда, спросим мы, Васильеву известно, что нападение на Царьград в 860 г. совершили шведы? Современный и притом первоклассный источник — патриарх Фотий дает характеристику нападающей Руси, и эта характеристика не подтверждает гипотезы автора. Русь у Фотия является народом скифским (а скифами византийцы IX в. обычно называли славян), народом бесчисленным („ἔθνος ἀναρίθμητον“), рабствующим („ἐν ἀνδραπόδοις τὰττόμενον“, быть может, намек на хазарскую дань), степным или кочевым („νομαδικόν“).

Характеристика эта не подходит к скандинавским викингам. Конечно, никто из советских историков не отрицает, что летописные варяги были скандинавами и что они могли участвовать в нападении Руси на Константинополь в 860 г. Речь идет не об этом, а о том, какая роль принадлежала варягам в создании Киевского государства и в организации похода 860 г. Находясь в непосредственном соседстве с прильменскими славянами, норманны-скандинавы, естественно, играли в их жизни некоторую роль. Однако какого-либо влияния на дальнейшую историю восточных славян даже утверждение в Новгороде варяжской княжеской династии не имело, так как в культурном отношении варяги не стояли выше славян и, попав в славянскую среду, быстро ославянились. В своем ответе шведскому историку

¹ Valetta, Φωτίου ἐπιστολαί, p. 178.

² „The Russian Attack...“, p. 174.

Туре Арис академик Греков разъяснил, что Рюрик, если даже признать его историчность, конечно, никакого государства не организовывал. Он застал в Новгороде государственный строй уже существующим.¹ Внук Рюрика (если верить летописной родословной) носил уже чисто славянское имя—Святослав. Языческая часть дружины Олега и Игоря при заключении договоров с греками клялась славянскими богами—Перуном и Велесом. Олег и Игорь в начале X в. пользовались в сношениях с Византией славянским (русским) языком.

Отвергая жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского как исторические источники и пытаюсь нас убедить, что имя „Рос“ впервые появляется в византийских источниках только после похода 860 г., Васильев в то же время не может отрицать, что русские были известны там раньше, что они, например, в качестве императорских гвардейцев принимали в 856 г. участие в убийстве логофета дрома Феоктиста, любимца императрицы Феодоры.² Выход из затруднения он находит в бездоказательном предположении, что русские были известны в Византии до 860 г. не под именем „Рос“, а под именем тавро-скифов. При такой „концепции“, естественно, что, говоря о широком распространении имени „Русь“ в топонимике юга нашей страны, Васильев вынужден просто отказаться от объяснения этого явления и сказать, что „решение важного, интересного и загадочного вопроса о существовании имени «Русь» в той или иной форме с незапамятных времен на юге России превышает его силы“.³

Переходя к истории самого похода (стр. 188—202) и утверждая, что русское нападение на Константинополь по количеству судов „может считаться предприятием среднего масштаба среди походов викингов IX в.“, Васильев не согласен с тем, что русские совершили свой поход на однодеревках (топохула). Он говорит, что греческие историки, рассказывающие об этом походе, нигде не называют русские суда топохула, и „норманские викинги IX в. никогда не рассматривали однодеревки как суда, могущие переплыть Черное море и пригодные к нападению на Константинополь“. По Васильеву, знаменитая девятая глава трактата Константина Порфирородного, упоминающая об этих однодеревках, говорит, что они заменялись в Киеве новыми, гораздо большими судами, которые и двигались на юг.⁴ Здесь опять-таки приходится отметить недостаточно серьезное отношение автора к цитированию и анализу письменных источников, которыми он пользуется. На самом деле в девятой главе трактата Константина Порфирородного нигде не говорится о замене в Киеве однодеревок новыми большими судами, на которых якобы только и могли плыть пресловутые викинги. Наоборот, здесь сказано совершенно ясно о продолжении пути из Киева на юг на тех же однодеревках. В тексте мы читаем: „Кривичи, лутичи и остальные славяне на своих возвышенностях вырубают в зимнее время однодеревки, налаживают их ко времени вскрытия и, когда пройдет лед, гонят их в ближайšie озера, а оттуда по Днепру в Киев, если озера соединятся с Днепром. Там продают свои суда русским, а эти покупают и снабжают лодки веслами, скамьями и другими принадлежностями, взятыми из старых судов. Затем в месяце июне спускаются по Днепру

¹ „Новое время“, 1947, № 30.

² *Genesis II*, ed. Bonn., p. 89.

³ „The Russian Attack...“, p. 175—176.

⁴ *ibid.*, p. 190.

до города Витичева, который подвластен русским. Там они останавливаются на два или на три дня, пока соберутся все однодеревки, а когда соберутся, то спускаются дальше по Днепру".¹ Ясно, следовательно, что в X в. русские не боялись проникать в Черное море и в Константинополь на однодеревках. То же, очевидно, они делали и в IX в., не нуждаясь в судах викингов. Разумеется, размеры однодеревок были различны — от маленького челна до крупных ладей.²

Автор, желающий доказать, что Русь в IX—X вв. плавала по Днепру и Черному морю на судах викингов, должен объяснить, почему Русь свою мореходную терминологию получила от Византии, а не от норманнов.

В историю нападения на Константинополь Васильев не вносит ничего нового, ограничиваясь пересказом греческих источников. Но он пытается воскресить давно забытую гипотезу Попадопуло-Керамевса, будто осада Константинополя русскими продолжалась целый год. „Одна вещь теперь несомненна, — пишет Васильев, — представление о коротком набеге, продолжавшемся несколько дней или недель, должно быть отброшено. Русский поход на Константинополь продолжался по крайней мере 10 месяцев".³

В подтверждение этого тезиса Васильев воспроизводит старую аргументацию Попадопуло-Керамевса.⁴ Он ссылается прежде всего на заметку греческого синаксаря, относящуюся к 5 июня, в которой мы читаем: „В этот день вспоминается бедствие, причиненное нам нападением язычников, от которых мы, сверх всякой надежды были освобождены молитвами пресвятой девы богородицы Марии".⁵ Хотя нападающие здесь не названы, а Константинополь, как известно, подвергался многим нападениям со стороны „язычников"; автор не сомневается, что нападающие — русские. Заодно он уверен, что эта дата неизвестно когда установленного церковного праздника обязательно должна обозначать точную хронологическую дату снятия осады русскими. Далее он ссылается на хронику Симеона Логофета, который говорит о вторжении русских и осаде Константинополя под 9 и 10 годами царствования Михаила III, и допускает, что русское нападение началось в одном году и продолжалось в следующем.⁶ Но ведь вся хронология Псевдо-Симеона давно уже опровергнута Гиршем как произвольная и не имеющая никакой исторической ценности,⁷ и сам Васильев на странице 205 признает это, утверждая, что датировка Псевдо-Симеоном русского похода 860 г. „абсолютно неверна". Столь же неубедительным является и третий аргумент Васильева — ссылка на

¹ De administrando imperio, cap. IX.

² „История культуры древней Руси", изд. Акад. Наук, стр. 282. Ряд исследователей пришел к заключению, что древние ладьи киевлян были похожи на казачьи челны Запорожской сечи, описанные военным инженером Бопланом, находившимся на польской службе. Однако ладьи IX—XI вв. были меньше позднейших казачьих. Меньший масштаб был обусловлен необходимостью прохождения порогов, в чем не нуждались запорожцы. Эти ладьи использовались и для торговых и для военных походов. Так, суда, участвовавшие в походе Игоря 941 г. и в последнем походе Киевской Руси на Константинополь в 1043 г., византийские авторы, как и Константин Порфирородный, называют однодеревками.

³ „The Russian Attack...", p. 218.

⁴ Попадопуло-Керамевс. Акафист божьей матери. „Византийский Временник", X, 1903, стр. 391—393.

⁵ Типикон церкви св. Софии. Летопись истор.-филол. об-ва при Новоросс. ун-те, т. II. Византийская секция. Одесса, 1895, стр. 215—216.

⁶ „The Russian Attack...", p. 205.

⁷ F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 347.

дошедшую до нас проповедь Георгия, митрополита Никомидийского, произнесенную 2 ноября 860 г., в которой говорится „о безбожных врагах, которые опустошают страну, об опасностях, которые подавляют нас“.¹ В этих словах Васильев видит прямое доказательство продолжения русской блокады Константинополя. Но он „забывает“, что у Византии было много и других не менее опасных врагов, которые не оставляли империю в покое и после ухода русских. Например, все византийские источники говорят о поражении, нанесенном Михаилу III в 860 г. у Дазимона мелитенским эмиром Омаром.² Правда Грегуар, а за ним и Васильев объявляют это поражение выдумкой враждебных Михаилу III византийских историков, основываясь главным образом на том, что об этом поражении ничего не сообщают арабские источники.³ Но ведь эти источники говорят все же, что мелитенский эмир вывел из похода 860 г. семь тысяч пленных византийцев.⁴ Известно, кроме того, что вождь павликиан Карбеас в то же время в результате удачного нападения захватил пять тысяч пленных. Крупный набег сделал и Балькаджур Фадл-ибн-Карин с двадцатью кораблями, опустошив прибрежные страны и захватив крепость Атталию,⁵ а в это же время критские арабы постоянно разоряли острова Эгейского архипелага. Таким образом, Георгию Никомидийскому было достаточно оснований для жалоб и по уходе русских.

Если бы русские действительно блокировали византийскую столицу в течение почти целого года, это, несомненно, нашло бы отражение и в проповедях патриарха Фотия, посвященных этому событию. Что же мы читаем у Фотия?

Во второй проповеди он подчеркивает неожиданность нашествия и необычайную быстроту его, говорит, что „этот удар, как молния, был ниспослан с неба“ („οὐρανὸθεν τὴν πληγὴν ὡς σκηπτὸν μὲνυσι ἐπαρεθῆναι“),⁶ что этот народ „неожиданный и незамеченный так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна“ („οὗτος ἐν ριπῇ ὀφθαλμοῦ ὡς κύμα θαλάσσης ἐξεχύθη τοῖς ὀρείοις ἡμῶν“). Далее Фотий вспоминает о „мрачной и страшной ночи, когда жизнь всех готова была закатиться вместе с закатом солнца“, о раскаянии константинопольцев в своих грехах, об умилоствлении бога литиниями и церковными службами, но у него нет даже и намека на большую продолжительность осады. Напротив, из его слов мы можем понять, что пребывание русских под стенами Константинополя было непродолжительно. „Нечаянно,—говорит Фотий,—было нашествие врагов; неожиданно совершилось и удаление их... невыразим был страх от них, но презренно было и бегство их“ („ἀσπροδόκητος ἐπέστη ἡ ἐφοδος ἐχθρῶν, ἀνέλπιτος ἐδείχθη, ἡ ἀναχώρησις αὐτῶν... ἄφατος ἦν αὐτῶν ὁ φόβος, εὐχταφρόντοι γεγόνασι τῇ φυγῇ“).⁷ Еще сильнее подчеркивает Фотий непродолжительность набега словами: „Ибо как только эта девственная риза (богоматери) была обнесена по стене, варвары принялись снимать осаду города, и мы избавились от ожидаемого гнева и сподобились

¹ Migne. Patr. gr., v. C, p. 1456.

² Theophani Continuatus; Migne. Patr. gr., v. CIX, p. 192, Skyl.-Cedreni, ed. Bonn, p. 162; Genesisi Regum IV. Patr. gr., v. CIX, p. 1107.

³ H. Grégoire. Études sur le neuvième siècle. „Byzantion“, VIII, 1933, p. 520—524; IX, 1934, p. 184—185.

⁴ Tabari, v. III, p. 1449. А. Васильев. Византия и арабы, т. I, стр. 195.

⁵ Там же.

⁶ A. Nauck. Lexicon Vindobonense, p. 221.

⁷ Ibid., p. 223.

неожиданного спасения“ („ἀμα γὰρ τὸ τεῖχος ἡ παρθενικὴ στολὴ περιελήλυθε, καὶ τῆς πολιορκίας οἱ βάρβαροι ἀπέιποντες ἀνεσχευάσαντο“).¹

Можно сомневаться даже, что Михаил III успел вернуться в свою столицу из Малой Азии до ухода русских. О его возвращении говорит только один Симеон Логофет, живший во второй половине X в. Все другие источники — *anonimus Bruxellensis*, дающий точную дату нападения, Продолжатель Феофана, Кедрин и Зонара не упоминают об этом. Ни в одной из своих проповедей не упоминает об этом и Фотий.

Мы знаем далее, что в конце 860 г. в Константинополе собрался многолюдный церковный собор по делу Фотия и Игнатия. Мог ли он собраться с таким большим количеством приглашенных епископов, в том числе и папских легатов,² если бы русские продолжали блокаду Константинополя? Против Васильева говорит, наконец, тот факт, что известный просветитель славян Кирилл мог отправиться из Константинополя в Херсонес в конце 860 г., что было бы невозможно, если бы город был окружен русскими.

Научная несостоятельность методологии Васильева, а вместе с тем и политическая направленность его работы очень наглядно выступают в его отношении к домыслам Крузе — Беляева об историчности Рюрика, „основателя русского государства“, и о возможности отождествления летописного Рюрика с ютско-датским феодалом Рюриком Фрисландским.³ По Васильеву, этот Рюрик родился около 800 г., начал свою военную деятельность очень поздно, в возрасте 40 лет (в 841 г.). В середине IX в. он опустошал побережье Франкского государства, южную Фрисландию, северную Францию и даже Англию; в 855 г. потерпел неудачу в попытке захватить королевский трон Дании, временно был вассалом Карла Лысого, но затем принес клятву вечной верности Людовику Немецкому в Аахене. Он был изгнан из Фрисландии в 867 г., и затем мы снова видим его в этой стране в 870 г. Случайное созвучие двух имен, не подкрепляемое никакими иными данными, кроме самой легенды о призвании, позволяет Васильеву допустить возможность для этого искателя приключений в минимально краткий срок — в три года (867—870) основать русское государство, а затем без всякой видимой причины вернуться в Фрисландию. Автор не смущается, что в другом месте он считает годом основания норманского государства в Новгороде 850 г.

Абсолютная антинаучность и фантастичность этой „теории“ происхождения самого большого в средние века европейского государства выступает здесь с полной очевидностью. Не имеют какой-либо научной ценности и источниковедческие экскурсы автора.

Так, например, характеризуя греческие источники похода 860 г. и некритически следуя Попадопуло-Керамевсу, Васильев приходит к ошибочному выводу, что знаменитый византийский акафист богоматери был составлен в то время, когда русские войска осаждали Константинополь и впервые прочитан в церковном богослужении 22 марта 861 г. после ухода русских.⁴ Но в синаксаре, предшествующем акафисту, и в самом акафисте нет и намека на осаду Константинополя русскими. Половина содержания синаксаря посвящена чудесному избавлению

¹ Ibid., p. 222.

² Mansi, XV, 167.

³ „The Russian Attack...“, p. 236.

⁴ „The Russian Attack...“, p. 216. А. П. Попадопуло-Керамевс. Акафист божьей матери. „Византийский Временник“, т. X, 1—2, стр. 377.

Константинополя в 626 г. от авар и славян, затем кратко говорится о неудачной осаде и отступлении арабов в 677 г. при Константине Погонате. Более подробный рассказ дается о неудачной осаде Константинополя в 717 г. при Льве III Исавре. Остальной текст синаксаря посвящен прославлению богородицы за указанные благодеяния и прошениям об избавлении верующих от внутренних смут.¹

Византийские церковные предания и большинство исследователей связывают составление акафиста и учреждение праздника воздвижения креста с обстоятельствами походов Ираклия в Персию. В синаксаре действительно говорится о внутренних смутах и гражданской войне, что больше подходит к временам Сергия, чем Фотия. Да и в самом акафисте есть исторические намеки, связывающие его с VII в. Например, стих 116: „радуйся, поклонение огню прекратившая“ может быть истолковано как прославление побед Ираклия над персами. Также в стихе 112: „радуйся, мучителя извергшая из начальства“ „мучитель“ может обозначать Фоку, обвиняемого в тираническом царствовании до Ираклия.

Во всяком случае акафист не мог быть составлен во времена Фотия, так как уже в начале IX в. византийцы видели в акафисте документ гораздо более раннего времени. Например, у Георгия Монаха составление акафиста приурочивается к 677 г.²

До нас дошли, кроме того, западноевропейские латинские рукописи IX в., дающие латинский перевод акафиста и тоже относящие его составление к более раннему периоду.³

В разделе о латинских источниках похода автор специально останавливается на *Chronicon Venetum*, составленной Иоанном Дьяконом, капелланом венецианского дожа Пьетро Орсеоло II (991—1008), которая излагает историю Венеции от ее начала до 1008 г.⁴ Как известно, между византийскими и славянскими источниками о походе и Иоанном Дьяконом существуют значительные расхождения. Иоанн Дьякон называет участников похода норманнами, а не русскими, говорит о 360 кораблях, а не о 200 и, наконец, заканчивает свое известие словами: „Указанный народ с триумфом возвратился домой“ („praedicta gens cum triumpho ad propriam regressa est“), тогда как византийские и славянские источники говорят о неудаче Руси.

Это расхождение Васильев пытается объяснить тем, что греческие и русские источники, с одной стороны, и Иоанн — с другой, говорят о двух разных событиях: первые говорят о нападении норманнов на Константинополь с севера в 860 г., а Иоанн Дьякон описывает норманнский набег на Византию в 861 г. со стороны Средиземного моря. Но обосновать свою гипотезу вескими аргументами Васильеву не удастся. Он сам признает, что Гастинг и Бьёрн, опустошавшие Италию, вернулись домой в 860 г. Сахо Grammaticas, упоминающий о набеге викингов с юга на Грецию, очень ненадежный источник, особенно в первых девяти книгах своей компиляции,⁵ а самое главное, византийские источники, обстоятельно рассказывающие о набеге в 861 г. небольшого критского флота в 30—40 судов на Циклады и Дарданеллы, ни одним словом не упоминают о проникновении могущественного

¹ Migne, Patr. gr., v. XCII, p. 1372.

² Migne, Patr. gr., v. CX, p. 893.

³ „Echos d'Orient“, t. VII; M. Thearvič. Photius et l'Acathiste, p. 298.

⁴ Monum. Germ. Hist. Scriptorum, v. VII (184), 4—38. Migne, Patr. lat., v. CXXXIX, p. 875—940.

⁵ „The Russian Attack...“, p. 40.

норманского флота через Дарданеллы и об опустошении им предместий Константинополя.

Более чем натянутым является истолкование, данное Васильевым так называемому „Откровению Мефодия Патарского“. „Я абсолютно уверен, — пишет Васильев, — что откровение Мефодия Патарского имеет в виду Михаила III и может служить новым средством реабилитации блестящих военных успехов незаслуженно приниженного императора, на защиту которого выступил так блестяще Грегуар“.¹ Васильев пишет это, великолепно зная, что греческие рукописи „Откровения“ не дают имени императора-освободителя, а если в русских интерполированных версиях это имя и дается (говорится, например, что в момент опасности императора Михаила не было в Константинополе, а ангел принес его из Рима) и если в этом легендарном сказании искать намек на историческую реальность, то всего естественнее под этим освободителем подразумевать Михаила Палеолога, освободившего Константинополь от ига латинян в 1261 г.,² а отнюдь не Михаила III. Последний, всю жизнь бывший простым орудием в руках кесаря Варды, а затем Василия Македонянина, если и совершил какие-либо „подвиги“, так только в беспощадной расправе с павликианами. И именно за это и начинают прославлять Михаила III современные реакционные буржуазные историки, с нескрываемой враждебностью относящиеся ко всяким движениям трудящихся масс. В их числе находится и Васильев.

Таким образом, книга Васильева, лишенная самостоятельности, представляющая эклектическое соединение взглядов Шахматова, Попадопуло-Керамевса, Истрина, Грегуара, Беляева, игнорирующая почти целиком работы советских историков и археологов, являющаяся пропагандой норманской теории, показывает, в каком плачевном состоянии маразма и растреления находится современная буржуазная наука в Америке и Западной Европе.

М. В. Левченко

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖУРНАЛА „ÉTUDES BYZANTINES“ И „REVUE DES ÉTUDES BYZANTINES“ ЗА 1943—1948 гг.

В 1943 г. появился I том журнала „Études byzantines“, издаваемого в Бухаресте французским Институтом византийских исследований (Institut français d'études byzantines). Этот журнал явился заменой и прямым продолжением издававшегося тем же институтом журнала „Échos d'Orient“. С 1946 г. (с IV тома) журнал носит название „Revue des études byzantines“.

Под маркой французского Института византийских исследований на самом деле скрывается французская реакционная католическая конгрегация. Отсюда социальная и политическая направленность журнала. В основном журнал посвящен разработке вопросов богословия, церковной истории и церковной географии. Лишь изредка среди подавляющего все остальное материала узко-конфессионального характера встречаются статьи по политической истории Византии. Вопросы

¹ Ibid., p. 159.

² ЖМНП, 1875, май, стр. 48—50.